

Р. МУГАНЛИНСКИЙ

Бакинский Государственный Университет

E-mail: rovshanm2@rambler.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СЕФЕВИДСКОГО ГОСУДАРСТВА С ГОСУДАРСТВОМ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Açar sözlər: Səfəvi dövləti, Böyük Moğol dövləti, I Şah İsmayıl, I Şah Təhmasib, Zahirəddin Məhəmməd Babur, Humayun

Ключевые слова: Сефевидское государство, государство Великих Моголов, шах Исмаил 1, шах Тахмасиб 1, Захир ад-дин Мухаммад Бабур, Хумаюн

Key words: Safavi state, Great Mughal state, Shah Ismail I, Shah Tahmasp I, Zahir-ud-din Muhammad Babur, Humayun

Исключительное значение в процессе изучения практически всех исторических эпох азербайджанского народа, включая период средневековья, приобрело исследование богатейшего фактического материала, содержащегося в первоисточниках и исторических трудах, опубликованных на разных языках, в т. ч. и на английском языке, авторы которых в большинстве случаев полагались на недоступные нам источники. Актуальность изучения их произведений заключена в том, что история средневекового Азербайджана, как и предшествующие и последующие исторические этапы нашей Родины, нередко становились предметом неверного, ошибочного освещения, а порой и грубой, умышленной фальсификации, исходящей как от отдельных авторов, так и целых направлений в историографии тех или иных стран. В этой связи, анализ конкретных документов и произведений зарубежных учёных, включая английских и американских, несомненно, поможет не только решить спорные проблемы отечественной истории, но и более обстоятельно уяснить многие вопросы всемирной истории, например, эволюции внешней политики западноевропейских держав в процессе колониальной экспансии на Востоке и, вообще, международных отношений стран Европы и Азии в период позднего средневековья.

Среди большого числа произведений зарубежных авторов, в той или иной степени затронувших вопросы истории азербайджанского государства Сефевидов, большой интерес представляет стремление англоязычных авторов исследовать различные аспекты его внешнеполитических отношений. Характеризуя её, они приходят к общему мнению, сформулированному К. Э. Босвортом, что «в военном плане шаху Исмаилу и его преемникам пришлось столкнуться с неослабевающей враждебностью своих суннитских соседей – османов на западе и туркмен – узбеков на северо-востоке» [1, с. 227].

Поэтому, завоевав почти весь Иран (кроме Хорасана), Ирак, Курдистан, значительную часть Малой Азии, включая Дийарбакр, и некоторые другие территории, шах Исмаил был в состоянии вплотную заняться решением двух военных задач, ставших основными направлениями внешней политики Сефевидского государства в 16 в., – ликвидацией угрозы сначала на восточных границах своей страны, а затем на западных. Причиной осложнения ситуации в указанном регионе стало стремительное восхождение правителя узбекского государства Шайбанидов Мухаммад-хана (1500 – 1510), в

период с 1500 по 1506 гг. ликвидировавшего обе ветви династии Тимуридов (последний Тимурид Бади аз-заман бежал сначала под защиту шаха Исмаила 1, затем – султана Байазиды 2 [4, с.419]) и тем самым поставившем под свой контроль обширные владения в Центральной Азии. Не ограничившись захваченными территориями, Мухаммад-хан Шайбани попытался установить свой контроль не только над всем Хорасаном, но и над Ираном, Ираком, Азербайджаном и другими землями, что не могло не вызвать озабоченности при дворе сефевидского правителя, принявшего решение выступить в поход против опасного соседа.

Сефевидо-шайбанидское противостояние было сопряжено с усиленной религиозной пропагандой, проводимой во владениях обоих правителей и направленной соответственно против государственного вероисповедания противника. Преследуя конкретные политические цели, правящие круги двух стран нередко объявляли джихад друг против друга, дабы оправдать в глазах своих соотечественников многочисленные жертвы, приносимые двумя, по сути, мусульманскими тюркскими народами в многочисленных военных конфликтах, получивших новый толчок в связи с прямым столкновением интересов шаха Исмаила 1 и Мухаммад-хана Шайбани. Обеспокоенность Шайбанидов была вызвана и влиянием, которое оказывали Сефевиды на общественно-политическую обстановку в различных регионах Центральной Азии, а потому многие авторы, касавшиеся проблемы сефевидо-шайбанидских противоречий, пытались именно с точки зрения приоритетности религиозных противоречий объяснить нагнетание ситуации между двумя сторонами, наметившееся уже в первые годы существования Сефевидского государства.

Возникновение могущественного в военно-политическом отношении государства Сефевидов, неуклонно набиравшего вес на мировой арене, привело к появлению серьёзного препятствия на пути расширения государства Шайбанидов на запад и, как показало будущее, косвенным образом, к некоторому ограничению его экспансионистских планов в других направлениях. Вступив в длившуюся не одно десятилетие борьбу друг с другом, обе стороны стремились установить своё господство в центрально-азиатском регионе, поставить под свой контроль традиционные караванные пути и, если не уничтожить, то по возможности, максимально ослабить противника. Вот почему шайбанидские ханы придавали огромное значение захвату сефевидских владений, открывавших им путь в зону Каспийского моря, а шахское правительство, в свою очередь, стремилось завладеть территорией Хорасана.

В то же время, борьба шаха Исмаила с узбекским правителем Мухаммадом Шайбани тесно переплелась с его контактами с будущим основателем империи Великих Моголов Захир ад-дином Бабуром (1526 – 1530), первоначально правившим небольшим тимуридским владением в Фергане. Большинство исследователей, касавшихся этого вопроса, сходятся в определении причины установления дружественных отношений между двумя правителями, видя её в их желании совместными усилиями бороться с шайбанидской угрозой.

Как писал К.Э.Босворт, ещё находясь в Фергане, Бабур понял, «что ввиду растущего могущества узбеков Шайбани у него нет шансов там удержаться»[1, с.269], поэтому, в 1504 г. захватив Кабул, он начал продвижение в Индию. Тем не менее его планы избежать таким образом столкновения с Мухаммад-ханом не оправдались, т.к. узбеки стали совершать набеги на подвластные ему территории Афганистана и Северной Индии, представляя реальную опасность для них.

Поэтому появление на политической арене нового деятеля, так же как и он, «опасавшегося и ненавидевшего Мухаммада Шайбани и его ужасных узбеков»[4, с.418], не могло не вызвать воодушевления при дворе Бабура. Более того, «отношения между ними», – заметил Э.Браун, «сложились дружественно, вопреки различным учениям, которые во многом содействовали изоляции Персии, избравшей после восхождения Сефевидов шиизм в качестве государственной религии, от её суннитских соседей»[4, с.418]. И хотя, по мнению О.А.Эфендиева, взаимоотношения между шахом Исмаилом и Бабуром не были ограничены религиозной враждой, т.к. последний склонялся к принятию шиизма [2, с.107 – 108], это обстоятельство ещё раз подтверждает следующее мнение: различия в религиозных воззрениях служили лишь поводом к развязыванию кровопролитных столкновений вследствие политических противоречий и отходили на задний план, в случае необходимости, что нередко можно наблюдать и в настоящее время. В данном же случае, «лояльность, проявленная Бабуром в отношении религиозных убеждений шаха Исмаила в одно время значительно снизила его популярность среди подданных по ту сторону Окса, исповедовавших суннизм»[4, с.419].

Если С.Лэн-Пуль лишь упомянул о союзе шаха Исмаила с Бабуром [7, с.257], то Э.Браун более подробно остановился на событиях, заложивших в будущем основы сравнительно дружественных отношений между Сефевидами и Великими Моголами. Дело в том, что победа шаха Исмаила над Мухаммадом Шайбани под Мервом 1 декабря 1510 г. была сопряжена с вызволением из шайбанидского плена сестры Бабура Хан-заде Бегум, около десяти лет пробывшей в заточении. Освобождённая шахом Исмаилом и с почётом отправленная к брату с известием о смерти его врага, она дала толчок к расширению двусторонних контактов. Как отмечал в этой связи Э.Браун, «между двумя монархами состоялся обмен дружескими посольствами, а спустя некоторое время последовал окончательный отказ Бабура от Трансоксании»[4, с.419].

В дальнейшем, разгромив в 1526 г. в битве при Панипате делийского султана Ибрахима 2 Лоди, а в следующем году – раджпутских владетелей, Бабур начал успешное продвижение вглубь Индии, ставшей с тех пор ядром его государства. Таким образом, по мнению Э.Брауна, «были ликвидированы все возможные трения между ним и персами (Сефевидами – М. Р.), что привело к установлению прочной дружбы между ними»[4, с.419]. К подобной точке зрения склонялся и К. Э. Босворт [1, с.270].

Отношения между двумя странами начали обостряться в конце 30-х гг. 16 в., при могольском императоре Хумаюне (1530 – 1540 и 1555 – 1556), т.к., «заняв Кабул (этот город был захвачен Бабуром ещё в 1504 г. – М.Р.) и Кандагар (его Бабур захватил ещё в 1522 г., воспользовавшись озабоченностью шаха Исмаила османской проблемой [8, с. 225]– М. Р.), моголы обеспечили безопасность северо-западной границы, служившей для многих завоевателей воротами в Индию. Правда, Кандагар при этом на долгие годы превратился в яблоко раздора между моголами и персами»[1, с.269]. Понимая роль этого важнейшего военно-стратегического и торгово-экономического центра, шах Тахмасиб в 1537 г. захватил Кандагар, но в следующем году сефевидские войска были вынуждены покинуть его под давлением могольской армии. Положение было осложнено и тем, что «... Моголы заключили соглашение с узбеком Абдаллах-ханом о разграничении территорий, что нанесло явный ущерб их отношениям с Сефевидами...»[1, с. 270].

Нормализация отношений между двумя сторонами была вызвана совершенно неожиданными обстоятельствами, а именно разгромом Хумаюна афганским

правителем Шер-шахом Суром, вследствие чего Суриды овладели престолом Великих Моголов, чей император был вынужден на пятнадцать лет прервать свое правление и, «не найдя ни у кого помощи» [8, с. 239], бежать во владения шаха Тахмасиба. Гостеприимно встретив изгнанника и оказав ему соответствующие почести, шах Тахмасиб не только предоставил ему политическое убежище [4, с.419], но и выделил специальный кызылбашский отряд в количестве нескольких тысяч воинов (Дж. Данбар охарактеризовал это как «поворотную точку в судьбе Хумаюна» [5, с.175], с помощью которых могольскому императору удалось вернуть престол [3, с.257; 10, с. 326]. Касаясь этого вопроса, Х. Роулинсон объяснил причину предоставления сефевидским шахом необходимой помощи тем, что Хумаюн, не имея выбора, согласился с его «оскорбительным предложением» стать членом «шиитской секты» [9, с.293; 8, с. 239]. В свою очередь В. Смит, отражая эти события, особо выделил, что принятие Хумаюном шиизма и его обещание передать Кандагар в состав сефевидских владений были непреложными условиями оказания ему военной помощи со стороны шаха Тахмасиба. Но достигнув некоторых результатов и, в частности, осенью 1545 г. снова заняв Кандагар, Хумаюн «вскоре нарушил доверительные отношения со своим покровителем и сам завладел городом» [10, с. 326]. Тем не менее, в дальнейшем могольскому правителю всё же пришлось уступить шаху Тахмасибу этот город, и «втечение всего сефевидского периода отношения между Персией (Сефевидским государством – М. Р.) и Индией не ограничивались их правителями» [4, с.419]. Аналогичные суждения высказаны и другими авторами [6, с.133; 9, с.293].

Следует отметить, что Сефевидское государство в тот период поддерживало дружеские отношения и с другими индийскими государствами. По этому поводу К.Э. Босворт писал, что три из пяти династий – преемниц Бахманидов (1347 – 1527), в том числе Кутб-шахи Голконды (1512 – 1687), первым из которых стал Султан-кули Кутб-ал-мулк Кара-Коюнлу, придерживаясь шиитского толка ислама, «поддерживали тесные дипломатические и культурные связи с сефевидским Ираном; правда они оказались недостаточными чтобы спасти эти династии от поглощения Моголами (это произошло уже после смерти шаха Аббаса – М.Р.)» [1, с.265].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с английского П. А. Грязневича., М., 1971.
2. Эфендиев О. А. Азербайджанское государство Сефевидов., Баку, 1981.
3. Bausani A. The Persians from the earliest days to the 20-th century., London, 1971.
4. Browne E.G. A history of Persian literature in modern times (1500 – 1924)., Cambridge, 1924.
5. Dunbar G. A history of India from the earliest times to the present day. V. I., London, 1943.
6. Hunter W. W. A brief history of the Indian people., Oxford, 1892.
7. Lane-Pool Stanley. The Mohammadan Dynasties., New York, 1965.
8. Powell-Price J.C. A history of India., Edinburgh, 1955.
9. Rawlinson H. G. India. A short cultural history., New York, 1954.

10. Smith V. The Oxford History of India from the Earliest Times to the end of 1911., Oxford, 1929.

R. MUĞANLINSKI
Bakı Dövlət Universiteti

**SƏFƏVİ DÖVLƏTİN BÖYÜK MOĞOL DÖVLƏTİ İLƏ QARŞILIQLI
ƏLAQƏLƏRİ İNGİLİSDİLLİ TARİXŞÜNASLIĞINDA**

Əcnəbi müəlliflərin çox saylı tədqiqatları arasında, əsasən Səfəvi dövləti ilə bağlı suallarda, ingilisdilli alimlərin Azərbaycanın xarici siyasətinin müxtəlif tərəflərinin təhlil etmələri, böyük bir maraq doğururdu. Səfəvi dövləti Böyük Moğol dövlətilə əlaqələrinin tədqiqatları Şərq ölkələrində orta əsr dövründə beynəlxalq əlaqələrin qərəzsiz işıqlanmasına geniş şəkildə kömək görsədəcək.

R. MUGANLINSKY
Baku State University

**THE MUTUAL REALATIONS OF THE SAFAVI STATE WITH THE GREAT
MUGHAL STATE IN THE ENGLISH-SPEAKING HISTORIOGRAPHY**

Among the big number of researches of the foreign authors, who have ever mentioned the questions of a history of the Safavi state , the big interest represents the aspiration of English-speaking scientists to analyze the various sides of its foreign policy relations. The studying of contacts between the Safavi state with the Great Mughal state will help to show with the greater degree of objectivity many problems of history of the international relations in the East countries of during the Middle Ages.

Rəyçilər: t.ü.f.d. F.Əliyeva, t.e.d. S.Məmmədov

BDU-nun Tarix fakültəsinin "Qədim dünya və orta əsrlər tarixi" kafedrasının 23 oktyabr 2014-cü il tarixli iclasının qərarı ilə çapa məsləhət görülmüşdür (protokol №2).